
Парадоксы свободного времени в цифровую эпоху

© 2020 г. Н.Б. Афанасов

*Институт философии РАН,
г. Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: n.afanasov@gmail.com

Поступила 26.03.2020

В фокусе рассмотрения настоящей статьи одна из ключевых тем современной социальной философии – свободное время в его связи с цифровым капитализмом. Автор анализирует, как трансформируется свободное время в современности. Цифровые технологии, интенсификация капиталистического производства, диффузия рабочего и личного пространства характеризуют мир современного человека. Цифровые технологии, буквально становясь частью человека, способны полностью заполнять его нерабочее время. В итоге человечество сталкивается с ускорением ритма жизни, которое порождает перманентное ощущение усталости и нехватки времени на важное. Тем не менее большинство социологических исследований показывает, что свободного времени не становится меньше. Это порождает «парадокс нехватки времени» (Джуди Вайсман), когда свободного времени больше, но использовать его так, как хотелось бы, не получается. В итоге в цифровом мире личная свобода человека, которая, казалось бы, должна лишь увеличиваться по мере роста производительности труда, на деле съезживается, что становится важной темой для современной критической мысли. Корень проблемы нехватки времени в том, что современная культура оказалась неспособной справиться с высвободившимися производительными силами и рефлексивно понять природу воздействия опосредованного цифровыми технологиями капитализма на повседневность.

Ключевые слова: свобода, свободное время, досуг, цифровой капитализм, цифровизация, социальное, философия, культура, повседневность.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10–57–65

Цитирование: Афанасов Н.Б. Парадоксы свободного времени в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 57–65.

The Time-Pressure Paradoxes in the Digital Age

© 2020 Nikolai B. Afanasov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: n.afanasov@gmail.com

Received 26.03.2020

In the focus of this article lies one of the key topics of modern social philosophy – free time in its connection with digital capitalism. The author analyzes how free time is transformed in contemporaneity. Digital technologies, the intensification of capitalist production, and the diffusion of work and personal space characterize the world of modern man. Digital technologies, literally becoming a part of a person, can completely fill their off-hours. As a result, humanity is faced with an acceleration of the rhythm of life, which generates a permanent feeling of fatigue and lack of time for important things. However, most sociological research shows that free time has not been decreasing. This gives rise to the “time-pressure paradox” (Judy Wajcman), when there is more time, but you can't use it as you would like. As a result, a person's personal freedom in the digital world, which, it would seem, will only increase as productivity increases, in fact becomes an important topic for modern critical thought. The basis of the problem of lack of time is that modern culture was unable to cope with the released productive forces and reflexively understand the nature of the impact of digital-mediated capitalism on everyday life.

Keywords: freedom, free time, leisure, digital capitalism, digitalization, social, philosophy, culture, everyday life.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-58-65

Citation: Afanasov, Nikolai (2020) “The Time-Pressure Paradoxes in the Digital Age”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2020), pp. 58–65.

Восток знал и знает только, что *один* свободен, греческий и римский мир знает, что *некоторые* свободны, германский мир знает, что *все* свободны.

Г.В.Ф. Гегель

Тема свободного времени является одной из основополагающих для философии. Мышление вне свободного времени – как было известно еще античным философам, открывшим миру сложное понятие «досуг» [Balme 1984, 140–142] – невозможно, а анализ общества без понимания того, кто и почему в нем обладает свободным временем, оставляет в стороне наиболее важные вопросы человеческой жизни.

Начиная с Античности именно в «свободном времени», которым человек может распоряжаться по своему усмотрению, теоретики видели возможность развития человека, обретения им смысла собственного существования. Первое значимое интеллектуальное сомнение в безусловной ценности свободного времени было высказано в христианской традиции, которая ценила не столько досуг, чреватый соблазнами, сколько труд [Коска 2018; Barbalet, Possamai, Turner 2011]. Современность парадоксальным образом усилила это умонастроение: «В наши дни признаком высокого статуса служит активное, лихорадочное существование, когда и рабочее, и свободное

время заполнены многочисленными делами» [Вайсман 2019, 104]. Впрочем, религиозный смысл и пафос из этой установки исчезают.

Отличие современного мира в том, что новые цифровые технологии предоставляют фактически неограниченные возможности заполнения свободного времени теми или иными делами. Можно взглянуть на ситуацию в терминах средств производства: всеобщая компьютеризация перевела большую часть работы в развитых странах в цифровой и компактный формат, таким образом, средства производства теперь сопровождают человека практически повсюду. Учитывая, что значительная часть делопроизводства ведется посредством электронной почты, смартфоны с почтовыми клиентами только усилили тенденцию смешения времени труда и досуга [Bittman, Wajzman 2000, 169–170]. Получается, что техника, призванная упростить жизнь и минимизировать количество малоинтересной работы, не справляется со своей задачей. Ситуация парадоксальная и именно в форме парадокса формулирует ее британский социолог Джуди Вайсман: «Противоречие между количеством свободного дискреционного времени, которым мы можем распоряжаться по своему усмотрению, и свойственным современным людям чувством измотанности получило известность как *парадокс нехватки времени*» [Вайсман 2019, 17]. Современный человек ощущает постоянный цейтнот, чувствует себя загнанным и менее счастливым. Причем ощущение фрустрации и неспособности справиться с возникающими одна за другой задачами, а также нехватки времени на выполнение вообще каких бы то ни было дел люди склонны ассоциировать именно с новыми технологиями [Robinson, Godbey 2005, 409].

Мы проанализируем связь новых технологий, цифровизации и повсеместного ускорения жизни, затем рассмотрим, что именно говорит о современном нам обществе парадокс нехватки времени, и в завершение статьи попытаемся определить, может ли современный человек противостоять ситуации «сжатия» времени и пространства, чтобы сохранить немного свободного времени для себя.

Радикальные технологии и повседневность

Из технических достижений, которым было суждено изменить мир, утописты прошлого возлагали надежды на безграничные и легкодоступные источники энергии, на качественный скачок в развитии производства и сельского хозяйства, на роботизацию и даже на колонизацию космоса. На практике самой радикальной технологией, изменившей мир, оказалось изобретение смартфона – *портативного* устройства, подключенного к мобильному Интернету. Американский социальный теоретик и урбанист Адам Гринфилд пишет о смартфоне как об объекте, который «...стал последним предметом, на который мы смотрим каждую ночь перед тем, как заснуть, и первым, за которым мы тянемся просонья. Мы используем его, чтобы знакомиться с людьми, общаться, развлекаться и находить дорогу. С его помощью мы покупаем и продаем вещи. Мы полагаемся на то, что он зафиксирует места, в которых мы бываем, вещи, которые мы делаем, и людей, с которыми общаемся; мы рассчитываем на то, что он поможет нам убить время, заполнить остановки и паузы, которые некогда занимали такую большую часть нашей жизни» [Гринфилд 2018, 21].

Повседневность и социальная структура на протяжении истории изменялись – в отсутствие внешних разрушительных воздействий – в сторону усложнения. Это усложнение имело и технический аспект, посредством которого «...люди могли создавать “более развитые” формы общественного устройства, в которых они, в конечном итоге, оказывались способны создавать общественные отношения, институты и властные структуры, результатом которых стало возвышение цивилизаций» [Hassan, Sutherland 2016, 129]. Причем в наши дни наиболее значимыми техническими инновациями считаются те, которые ускоряют передачу информации. Однако такая установка требует критического рассмотрения.

Мы не должны допускать ошибку «технологического презентизма», под которым подразумеваем взгляд на успех любой технологии как с необходимостью предпринятое

событие. В действительности мир гораздо более «аналоговый», чем полагают технооптимисты. Если отталкиваться от примера с компьютерами, то, для того чтобы они стали сколько-нибудь значимым фактором повседневности, потребовались десятилетия. Цифровому миру понадобилось перевоплотиться в удобный и эстетически вписывающийся в интерьеры домов формат, чтобы в конечном итоге завладеть умами. Компьютерам, а затем и телефонам пришлось стать достаточно компактными и автономными, чтобы оказаться в кармане у каждого современного горожанина (успех смартфона связан не столько с тем, что он представляет собой подключенный к сети компьютер, а с тем, что это *портативное* устройство). Именно эта вписанность цифровой технологии в «аналоговую рутину» повседневной жизни важнее всего.

Цифровизации, обеспечивающей мгновенный обмен информацией благодаря повсеместности подключения портативных устройств к сетевым структурам, уже предшествовала идеализация скорости в течение XIX и XX вв.: «Скорость – в смысле скорости, с которой работают современные машины, – на протяжении этого периода сформировала мощный культурный нарратив, связавший машины, деньги и прогресс» [Вайсман 2019, 77]. Предел скорости – это доступ ко всему одним нажатием пальца на устройстве, лежащем на ладони.

Повседневность стала более насыщенной информацией, и во многом это произошло в соответствии с утверждением Маршалла Маклюэна: «...когда пресса открыла клавиатуру “человеческого интереса” после того, как телеграф переструктурировал это средство коммуникации, газета погубила театр; и точно так же телевидение наносит сокрушительный удар по кино и ночным клубам» [Маклюэн 2003, 63]. Маклюэн имеет в виду прежде всего то, что новые формы медиа вбирают в себя старые, трансформируя их [Там же, 63–64]. Свидетелями разворачивания логики этого процесса являемся мы сами.

Логика позднейшего «платформенного капитализма» (см.: [Сафронов 2019]) приводит к необходимости интенсификации потребления и производства, а также подразумевает платформенную универсализацию жизни: «Развитый капитализм двадцать первого столетия постепенно выстроился вокруг задачи извлечения и использования особого вида сырья – данных» [Срничек 2019, 37].

Радикальная технология, порожденная логикой развития платформенного капитализма, реализовала себя в предоставлении *каждому* человеку орудий труда и инфраструктуры для производства. Причем цифровизация оказывает влияние не только на те профессии, которые так или иначе связаны с нематериальными объектами, но и на вполне традиционные рабочие специальности, которые еще не замещены внедрением промышленных роботов. Речь идет о том, что цифровизация предоставила возможности создавать новые формы контроля за процессами производства, а также определила наиболее логичную форму отчетности. Не имеет значения, стал ли контроль в действительности более серьезным – в качестве социального феномена имеется устойчивое представление об усилении контроля и увеличении объема работы. Таким образом, цифровизация труда и досуга породила не чувство расширения возможностей для насыщения времени, а ощущение нехватки времени.

М. Маклюэну принадлежит одна замечательная мысль: электрический свет, казалось бы, не имеющий содержания, на самом деле несет в себе сообщение. «Электрический свет положил конец распорядку ночи и дня, пребывания дома и вне дома. Но именно в тот момент, когда свет сталкивается с уже существующими образцами человеческой организации, высвобождается гибридная энергия. Автомобили могут всю ночь напролет колесить по дорогам, футболисты могут всю ночь играть, а от зданий можно оставить только окна. Одним словом, сообщением электрического света является тотальное изменение» [Маклюэн 2003, 62]. Если перенести этот подход на цифровые средства коммуникации, то их сообщением, в самой их сути, будет скорость.

Эта скорость вторгается во все сферы и ускоряет диффузию (процесс взаимного проникновения) аналогового мира и мира цифрового: «Медиатизация как процесс растущего медианасыщения всех сфер социума и культуры, которые все в большей степени

становятся зависимыми от медиа и их логики, затрагивает в настоящее время все глобальные регионы. Все большее число людей во всем мире живет в «медиамирах». Они работают, покупают товары и услуги, проводят досуг, учатся, получают информацию о политических процессах и религиозных трансформациях с помощью технических средств массовой информации» [Гафарова 2019, 211]. Мир вне сети насыщен целым рядом медиумов, не каждый из которых несет в себе одержимость скоростью, но медиамир «сетевизации» не может существовать вне тотального ускорения.

Можно ли считать этот феномен негативным и идущим вразрез с потребностями человека? Критикуя «тотальное ускорение», каждый может провести эксперимент и попробовать отказаться от достижений современных коммуникационных технологий. В конце концов, современного человека никто не принуждает ускоряться. Напротив, он делает это добровольно, подчас осознанно. Ведь современные технологии способны, к примеру, мгновенно и повсеместно освобождать человека от скуки: «Сотовый телефон открывает новые пространства для независимого или самостоятельного существования, позволяя человеку пребывать в данном месте и в то же время отсутствовать или уйти в себя» [Вайсман 2019, 254]. Кроме того, «...в цифровых устройствах можно видеть средства, насаждающие новые модели социальных контактов, становящиеся новым инструментом для сближения людей» [Там же, 226]. Современный мир наслаждается скоростью и открывающимися возможностями. Поэтому цифровизация не может быть просто отвергнута.

Однако и игнорировать отмеченное исследователями обстоятельство усиления чувства нехватки времени нельзя. Мы ускоряемся все больше, но чувствуем, что ничего не успеваем. Больше устаем, хотя, казалось бы, с каждым годом нашу работу упрощают техника и программное обеспечение. Вероятно, с технологическим ускорением и в самом деле что-то не так. И это противоречие лежит в той же плоскости, что и смешение работы и досуга. Очевиден факт, что люди не определяют свое пребывание в социальных медиа как работу, хотя после долгого нахождения в мире интернет-платформ испытывают ту же усталость, что после долгого трудового дня.

Парадокс нехватки (свободного) времени

У современной науки об обществе достаточно собранных в развитых странах данных касательно того, сколько в среднем трудится и отдыхает человек. Обобщение этих данных может показаться удивительным в контексте нашего рассмотрения.

Прежде всего нет никаких оснований считать, что люди все время заняты работой. На самом деле граждане в развитых странах продолжают располагать примерно тем же – или даже большим! – количеством свободного времени, что и раньше: «...в целом на протяжении последних пятидесяти лет ни в США, ни в Европе не наблюдалось однозначного роста продолжительности рабочего времени. Более того, с 1965 по 2010 г., когда более трети американцев ощущали постоянную спешку, в реальности у них стало больше свободного времени» [Вайсман 2019, 110]. (Отметим в скобках, что в России социологи фиксируют иную картину: несмотря на то что у россиян достаточно свободного времени, они стремятся использовать его не для досуговых практик, но для внеурочной работы, что, разумеется, связано с меньшим в сравнении с западными странами уровнем благосостояния общества [Седова 2009, 57–58].)

Джон Мейнард Кейнс уже в годы Великой депрессии предсказывал, что в самом ближайшем будущем, на протяжении всего одной сотни лет, экономические трудности перестанут волновать людей. Лишь самые активные будут вынуждены в угоду своим неиссякаемым амбициям продолжать трудиться: «Конечно, останется множество людей, которых неумная жажда деятельности и целеустремленность будут заставлять бессознательно алкать увеличения своего материального богатства, пока они не найдут для себя удовлетворительной замены. Но остальные больше не будут обязаны одобрять или поддерживать их действия» [Кейнс 2009, 66]. Однако, несмотря на действительно

колоссальное увеличение производительности труда, пропорционально меньше работать мы не стали. Разгадка этого обстоятельства достаточно проста.

Наша эпоха, несмотря на удивительный прогресс цифровых технологий, в значительной степени наследует трудовому этосу индустриальной эпохи. И пусть заводской гудок ушел в прошлое, он сменился чуть более гибкой, но все еще определяющей регламентацией трудовых будней. Кроме того, те области рынка труда, которые уступают под натиском цифровизации, замещаются новыми, так называемыми «цифровыми профессиями». Оказывается, что без людей цифровой мир существовать не может, а развитая индустрия потребления культуры, в особенности визуальной, требует значительных усилий программистов, дизайнеров, СММ-щиков и фотографов. «Нехватка занятости» остается, таким образом, не оправдавшимся прогнозом, гипотезой, встроеной в парадигму классических утопий и марксистской традиции [Сидорина 2016]. Следует пересмотреть эти прогнозы с поправкой на трансформацию традиционных форм ведения хозяйства и самого капитализма. Даже если информационные технологии способны затронуть и те сферы, которые связаны с творчеством [Кловайт, Ерофеева 2019, 54], это не отменит того простого обстоятельства, что за созданием и совершенствованием подобных новаций стоит труд человека. Показательно, что именно интеллектуалы, грезящие о свободном времени, которое можно будет наполнять творческим досугом, обеспокоены, чем займутся все те люди, которые в будущем якобы останутся без работы [Сидорина 2017, 79].

Так на что уходит время людей, которые при той же, если не меньшей, что и раньше, занятости испытывают его недостаток? Обобщенные данные за прошлое столетие, зафиксировавшие повышение доходов на душу населения в развитых и развивающихся странах [Crafts 1999, 19], говорят и об изменившемся уровне требований к гигиене, внешнему виду, характеристикам жилья, качеству питания, образованию, досугу человека – всему тому, что требует приложения усилий и «отнимает» время. И современный человек сам, без принуждения, выбирает лучшее качество жизни и более высокий доход в ущерб своему свободному времени, и ничто не свидетельствует о том, что те вещи, которые отнимают у него больше всего времени (домашняя работа, уход за собой, образование и др.), уйдут в прошлое. Таким образом, общество всеобщего досуга на данный момент остается только утопией. Даже индустриализация и механизация быта в условиях высоких требований к нему не только не уменьшает время, затрачиваемое на поддержание хозяйства в порядке, но и несколько увеличивает его [Bittman, Rice, Wajzman 2004, 414]. При всем том и домашнее хозяйство, и карьера, и образование не могут функционировать с той же скоростью, с какой происходит обмен информацией и связанно с ним «медиапотребление», обеспечиваемые, например, смартфоном. Однако именно такой скоростью – задаваемыми ею стандартами – захвачен современный мир.

Люди, воспринимая стандарты скорости современных коммуникационных технологий как эталон, ожидают слишком многого от самих себя: нельзя прожить жизнь быстрее, чем это заложено в нашей природе, нельзя ускорением чтения улучшить понимание текста, а увеличением скорости воспроизведения музыкального произведения усовершенствовать мелодию. Медиареальность задает нереалистичные ожидания от своей собственной жизни, о чем последние несколько десятилетий пишут ведущие теоретики. Речь в том числе идет и о содержании, и о количестве наполняющей медиареальности информации: это нескончаемый поток образов и событий, которые по своему объему превышают любые возможности конкретного индивида. А ценности, тиражируемые цифровыми медиа – успех, насыщенная событиями жизнь, – создают культурную ситуацию поощрения активности, в которой вопрос о свободном времени вообще не может быть поставлен. В данном аспекте негативное влияние цифровых технологий очевидно. Они скрывают от субъекта возможность помыслить себя вне рамок постоянной занятости.

Время, которым человек может распоряжаться по своему усмотрению, – одна из самых больших ценностей, что нам доступна, поэтому его нехватка переживается столь

остро. Но если общая производительность труда выросла в несколько раз, как и наши благосостояние и качество жизни, то свободное время, которым мы могли бы распоряжаться сами, в лучшем случае осталось прежним. При этом даже те формы досуга, на которые у людей хватает времени, работают ныне по законам индустрии и подчас призваны только увеличить привлекательность или конкурентность на рынке труда [Вахштайн, Маяцкий 2019, 9]. Таким образом, осмысление *парадокса нехватки свободного времени* подразумевает не только выяснение того, почему современный человек столь остро чувствует, что время, которым он может распоряжаться по своему усмотрению, чрезвычайно ограничено, но и того, почему и ради чего он от этого времени отказывается.

Сразу возникает вопрос: осознаёт ли общество, что оно может жить свободнее уже сейчас? В постиндустриальном мире, пожалуй, единственными из тех, кто во впечатляющем масштабе поставил под сомнение ценность безграничного накопления и акселерации собственной жизни, оказались хиппи и миллениалы. Правда, первые в конечном итоге не оправдали надежд своих теоретиков и превратились в тех, кого с самого начала и критиковали, – в яппи: «...хиппи (вопреки слухам) не предавали своих идей. Идеологии хиппи и яппи – одно и то же» [Хиз, Поттер 2007, 13]. Миллениалы же, несмотря на демонстрируемую ими склонность откладывать взросление и финансовую независимость, а также стратегии, нацеленные на пролонгирование процесса образования, в конечном итоге оказываются даже более занятыми, чем их родители [Радаев 2019, 66, 69, 78].

Возвращаясь к максиме Гегеля, вынесенной в эпиграф, определим сложившуюся ситуацию так: цифровой мир существенно неотличим от «германского мира» – люди в нем остались теми же. И мало кто из них пользуется возможностью свободы. Вдобавок культура перестает выполнять освобождающую функцию. Вне свободного времени, которое истончает установка на скорость, никакое мышление и осознание самого себя невозможно. В цифровом мире все все так же свободны, но понять это для многих оказывается непосильной задачей.

Мы постарались обрисовать логику того, как новые технологии меняют скорость жизни современного человека. Парадоксальным образом оказывается, что повсеместное техническое ускорение и рост производительности не увеличивают количество свободного времени, которым располагают люди. Современная культура готова к революции свободного времени технологически, но не готова социально и философски.

Бессмысленно говорить о появлении технологий, которые подчиняют себе человека. Технологии подстраиваются под человеческий мир и служат ему, а если и применяются для того, чтобы управлять человеком и отнимать у него свободное время, то делается это опять же людьми и в пользу конкретных людей – владельцев технологий и корпораций, – а не «машин». У платформ, на которых базируются современные технические средства, есть собственники – именно они извлекают прибыль из нашего свободного времени [Афанасов 2019]. Парадокс нехватки свободного времени есть не что иное, как симптом *новых форм отчуждения*, которые мы не осознаем как власть капитала над собой.

«Возможно, мы вовсе не находимся в эндемичном состоянии спешки, а просто не понимаем, в каком времени живем» [Вайсман 2019, 300]. Это ключевой момент всех социально-философских подходов к парадоксу нехватки времени. Непонимание современным человечеством самого себя и своих исторических истоков приводит к тому, что, обладая колоссальными возможностями, оно оказывается неспособно распорядиться собственным временем. С нашей точки зрения, необходимо трезво оценить современный мир. Технологии в таком случае будут нашими помощниками и средствами, но не самоцелью.

Мы не беремась утверждать, что новые образы современности в ближайшем будущем смогут преодолеть разрыв между стремлением к благополучию и представлением о достаточном досуге. В этом отношении задачей социально-философского познания является критика, с одной стороны, утопических взглядов на будущее, а с другой – технологического алармизма в вопросах использования человеком свободного времени. В конечном итоге философское познание общества не тождественно социологии, и должно выносить валюативные суждения [Павлов 2018, 165–166] в интересах как познания, так и самого общества. Проблема не в том, что у человечества нет свободного времени, а в том, что оно появляется только тогда, когда человеку ясно, чем и зачем он хочет заниматься. Осмысленность рождает по-настоящему свободное время, которое можно заполнить и продуктивным досугом, и продуктивной работой. Возможно, в точке преодоления отчуждения два эти понятия упразднятся, слившись в нечто новое.

Источнику – Primary Sources in Russian Translations

Кейнс 2009 – *Кейнс Дж. М.* Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67 [Keynes, John (1930) Economic Possibilities for Our Grandchildren (Russian Translation 2009)].

Ссылки – References in Russian

Афанасов 2019 – *Афанасов Н.Б.* Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // Галактика медиа: журнал медиа исследований. 2019. Т. 1. № 1. С. 43–61.

Вайсман 2019 – *Вайсман Д.* Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

Вахштайн, Маяцкий 2019 – *Вахштайн В., Маяцкий М.* Случайный труд – принудительный досуг. Дискуссия // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 1–26.

Гафарова 2019 – *Гафарова Ю.Ю.* Постколониальный подход в исследованиях медиа и поведения пользователей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 2. С. 210–229.

Гринфилд 2018 – *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Кейнс 2009 – *Кейнс Дж. М.* Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67.

Кловайт, Ерофеева 2019 – *Кловайт Н., Ерофеева М.* Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 53–84.

Маклюэн 2003 – *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц»: «Кучково поле», 2003.

Павлов 2018 – *Павлов А.В.* Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 149–172.

Радаев 2019 – *Радаев В.В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

Сафронов 2019 – *Сафронов Э.Е.* Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 279–289.

Седова 2009 – *Седова Н.Н.* Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–69.

Сидорина 2016 – *Сидорина Т.Ю.* Труд: его кризис и будущее в контексте трендов мирового цивилизационного развития // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 22–33.

Сидорина 2017 – *Сидорина Т.Ю.* Новый мир – новые трудовые практики – новые акторы на рынке труда // Свободная мысль. 2017. № 6. С. 77–94.

Сидорина 2013 – *Сидорина Т.Ю.* Вопрос о труде и смысле жизни // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 3–14.

Срничек 2019 – *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

Хиз, Поттер 2007 – *Хиз Дж., Поттер Э.* Бунт на продажу. Как контркультура создает новую культуру потребления. М.: Добрая книга, 2007.

References

- Afanasov, Nikolai (2019) "Spare Time as a New Form of Labor: Digital Professions and Capitalism", *Galactica Media: Zhurnal Media Issledovaniï*, Vol. 1 (1), pp. 43–61 (in Russian).
- Balme, Maurice (1984) "Attitudes to Work and Leisure in Ancient Greece", *Greece & Rome*, Vol. 2 (32), pp. 140–152.
- Barbalet, Jack, Possamai, Adam, Turner, Bryan (2011) *Religion and the State: A Comparative Sociology*, Anthem Press, Cambridge.
- Bittman, Michael, Rice, James, Wajcman, Judy (2004) "Appliances and Their Impact: The Ownership of Domestic Technology and Time Spent on Housework", *British Journal of Sociology*, Vol. 2 (55), pp. 400–423.
- Bittman, Michael, Wajcman, Judy (2000) *The Rush Hour: The Character of Leisure Time and Gender Equity*, Oxford University Press, Oxford.
- Church, Jeffrey (2010) "The freedom of Desire: Hegel's Response to Rousseau on the Problem of Civil Society", *American Journal of Political science*, Vol. 1 (54), pp. 125–139.
- Crafts, Nicholas (1999) "Economic Growth in the Twentieth Century", *Oxford Review of Economic Policy*, Vol. 4 (15), pp. 18–34.
- Gafarova, Iuliia (2019) "Post-colonial Approach in Media Studies and User Studies", *Zhurnal Sotsiologii i sotsialnoi Antropologii*, Vol. 2 (22), pp. 210–229 (in Russian).
- Greenfield, Adam (2017) *Radical Technologies: The Design of Everyday Life*, Verso, London (Russian Translation 2018).
- Hassan, Robert, Sutherland, Thomas (2016) *Philosophy of Media. A Short History of Ideas and Innovations from Socrates to Social Media*, Routledge, New York.
- Heath, Joseph, Potter, Andrew (2004) *The Rebel Sell: Why Counterculture Became Consumer Culture*, Harper Collins, New York (Russian translation 2007).
- Klowait, Nils, Erofeeva, Maria (2019) "Work in the Age of Intelligent Machines: The Rise of Invisible Automation", *Logos*, Vol. 1 (29), pp. 53–84 (in Russian).
- Kocka, Jürgen (2018) "Capitalism and Its Critics: A Long-Term View", *The Lifework of a Labor Historian: Essays in Honor of Marcel van der Linden*, Bosma U., Hofmeester K. (eds.), Brill, Leiden, pp. 71–89.
- McLuhan, Marshall (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*, McGraw-Hill, New York (Russian translation 2003).
- Pavlov, Aleksandr (2018) "The Parallaxes of the Fox: Towards Definition of the Subject and Status of Social Philosophy", *Sotsiologicheskoe Obozrenie*, Vol. 3 (17), pp. 149–172 (in Russian).
- Radaev, Vadim (2019) *Millenials: How the Russian Society Changes*, HSE Publishing House, Moscow (in Russian).
- Robinson, John, Godbey, Geoffrey (2005) "Busyness as Usual", *Social Research*, Vol. 2 (72), pp. 407–426.
- Safronov, Eduard (2019) "How Accelerationism Became Platform Capitalism", *Logos*, Vol. 3 (29), pp. 279–289 (in Russian).
- Sedova, Natalia (2009) "Leisure Activity of the Citizens", *Sotsiologicheskie issledovaniia*, Vol. 12, pp. 56–69 (in Russian).
- Sidorina, Tatiana (2016) "Crisis and Future of Labour under the Trends of Civilization Development", *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, Vol. 3, pp. 22–33 (in Russian).
- Sidorina, Tatiana (2017) "A New World – New Working Practices – New Actors in the Labour Market", *Svobodnaia mysl*, Vol. 6, pp. 77–94 (in Russian).
- Srnicek, Nick (2016) *Platform Capitalism*, Polity, Cambridge (Russian Translation 2019).
- Vakhshtain, Viktor, Maiatskii, Mikhail (2019) "Contingent Labor – Forced Leisure. A Discussion", *Logos*, Vol. 1(29), pp. 1–26 (in Russian).
- Wajcman, Judy (2014) *Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism*, University of Chicago Press, Chicago (Russian Translation 2019).

Сведения об авторе

АФАНАСОВ Николай Борисович – младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

Author's Information

AFANASOV Nikolai B. – Junior Researcher at Social Philosophy Department of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.